

А. М. Сердюк

“Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Россия и русские в анонимном романе «Home Life in Russia» (1854)

В статье рассматривается специфика образов России и русских в анонимном романе «Home Life in Russia», англоязычном вольном переложении поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», в соотношении с оригиналом и в свете новой авторской установки. Национально-специфические образы, особенно значимые и в гоголевской поэме, в романе являются центральными. Анонимный автор стирает оригинальный символический подтекст, подчёркивая и развивая их сатирическую составляющую, а также усиливая оригинальную негативную образность за счёт переводческих трансформаций. В результате смысловая наполненность оригинала сужается до сугубо бытовой тематики, общечеловеческий размах антропологического эксперимента с полным исключением его из произведения ограничивается пространством России, а населяющие её герои лишаются потенциала к исправлению и «очеловечиванию». Обывательные и упрощённые русские персонажи способствуют достижению целей анонимного автора – развенчать политические амбиции Российской империи, создать её антиобраз.

Ключевые слова: «Home Life in Russia», «Мёртвые души», Гоголь, литературная мифификация, художественная антропология, образ другого.

Для цитирования: Сердюк А. М., “Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Россия и русские в «Home Life in Russia» (1854) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 24–42. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_24. EDN: ZRVNUW

Анонимный роман *Home Life in Russia* был опубликован в Лондоне в 1854 г. за авторством некоего «русского дворянина» (a Russian noble), чьё имя, согласно предисловию, не раскрывалось во избежание отправки его в Сибирь по возвращении на родину [15, р. iii]. На деле же столь опасный для автора роман представлял собой вольную интерпретацию «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя, опубликованных в России более чем десятилетием ранее. Впервые подделку обнаружил без-

ымянный критик журнала *Athenaeum* и в качестве главного недостатка текста указал не столько саму вторичность и плагиат, сколько то, что допущенные переводчиком вольности в совокупности превращали текст в источник «неуклюжей лести» (“we have seldom seen flattery more awkward than this”), подчёркивавшей превосходство Британии над Россией, и значительно снижали его художественную ценность [13, p. 1455]. Эпические масштабы гоголевского антропологического эксперимента здесь сужаются до истории преступления и наказания незадачливого афериста. Эта глобальная трансформация позволила исследователям разных времён предполагать, что несмотря на заглавие и предисловие главной целью автор *Home Life in Russia* ставит перед собой не просвещение читателя в вопросе внутренней жизни России, но формирование антиобраза страны и её населения [14; 17–18]. Отдельного внимания, однако, роман до сих пор не удостоился ни в русскоязычном, ни в англоязычном литературоведении и чаще всего рассматривался лишь как первый неудачный и малозначимый эпизод в истории английской рецепции гоголевской поэмы.

Роман отличается от «Мёртвых душ» на различных уровнях произведения. Новая по отношению к гоголевской авторская установка очевидна уже с точки зрения композиции: книга разделена на два тома, состоящих из 22 и 26 глав. В целом сюжетная канва при этом дублирует «Мёртвые души», а главы поэмы (как, к слову, и абзацы) лишь формально разбиты на более мелкие. В первом томе описано появление Чичикова в городе и его визиты к Манилову, Коробочке и Ноздрёву, во втором – визиты к Собакевичу и Плюшкину, бал у губернатора, распространившиеся слухи и поспешный выезд Чичикова из города. Более дробное деление представляется обусловленным ориентацией не только на удобство читателя, но и на усиление динамичности повествования, приличной авантюрному роману. Перенос биографии Чичикова и цели его предприятия в начало первого тома (IV–VIII главы) снимает интригу как относительно предприятия героя, так и его происхождения и характера, сразу заявляя его как авантюриста; примечательно, что критик журнала *Athenaeum* считает этот перенос одним из главных недостатков книги [13, p. 1455]. Большинство лирических отступлений полностью исчеза-

ет из текста, редуцируя таким образом авторское присутствие в нём и в целом упрощая его структуру и определение жанровой принадлежности. Завершается же книга поимкой Чичикова и отправкой его в Сибирь – если не физической, то метафорической смертью героя (“and the next moment he was a dead man” [16, p. 314]), что полностью противоречит идее «Мёртвых душ» и её метафорическому воплощению в финале первого тома. В статье предпринимается попытка комплексного анализа центральных как для романа, так и для поэмы образов России и русских в свете этого противоречия.

Материалы и методы

В связи с утратой коммуникативной равноценности русской поэмы и английского романа, изменению в последнем плана содержания первой, наиболее справедливым представляется рассматривать *Home Life in Russia* не как собственно перевод – так как текст не соответствует основным предъявляемым к переводу требованиям [2, с. 11; 4, с. 411], – но, следуя за обращавшимися к тексту прежде исследователями, как подделку (*forgery*) [14; 17–18], мистификацию (*hoax*) [14] или плагиат [1, с. 273]. Определение *Home Life in Russia* как мистификации, однако, представляет проблему как в связи с многозначностью самого понятия [9], так и со спецификой произведения. Так, И. Л. Попова определяет литературную мистификацию как нечто противоположное плагиату: «Плагиатор заимствует чужое слово, не ссылаясь на автора, мистификатор, наоборот, приписывает другому свое слово» [10, ст. 553]. В *Home Life in Russia* же, тексте, бесспорно, плагиатном, конструированию (или, скорее, реконструированию на основе оригинала) образа другого – «русского дворянина» – и как автора, и как повествователя уделяется особое внимание, что Попова считает неотъемлемой чертой мистификации [10, ст. 553]. Осложняется, таким образом, и использование термина «плагиат», так или иначе излишне широкого. Наиболее уместным представляется термин «фальсификация», но и его обобщённость требует оговорки: в случае *Home Life in Russia* фальсификация частична; это своего рода «искажённый текст» в том смысле, в котором его упоминает Е. Л. Ланн, противопоставляя литературной мистификации как фаль-

сификации полной [9, с. 10–12]. Объединяет же все эти определения то, что так или иначе в рассматриваемом романе новые задачи решаются на оригинальном материале – первом томе поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» – за счёт отдельных трансформаций. Анализ результатов последних выполнен в статье с опорой на инструментарий имагологии и компаративистики, а также герменевтический метод.

Результаты

В «Мёртвых душах» привлекает внимание особый угол зрения на Россию. Так, Ю. В. Манн пишет, что она «открывается Гоголю в целом и со стороны. Со стороны – не в том смысле, что происходящее в ней не касается писателя, а в том, что он видит Россию всю, во всей ее “громаде”» [8, с. 237]. «Общерусский масштаб» поэмы, на который указывает исследователь, в то же время не умаляет реалистичности изображения за счёт синтеза дистанцированности фигуры автора от изображаемого им пространства («из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу» [3, с. 208]) и его приобщённости к нему (нарративное сближение с героями, местоимение «наш» и пр.). В. Ш. Кривонос в монографии ««Мёртвые души» Гоголя: пространство смысла» проблематизирует пространство поэмы, подчёркивая различие в ней понятий «Россия» и «Русь». «Русь», по мнению исследователя, обозначает поэтико-символическое пространство и абстрактное географическое представление, «Россия» же определяет конкретную географическую территорию, страну и государство. Эти понятия не взаимоисключающие, но, напротив, вытекающие одно из другого, составляющие единое целое. При этом, по мнению Кривоноса, «в “Мёртвых душах” Русь (образ страны, как она видится автору) в плане символическом принципиально не тождественна России (государству, занимающему определённую территорию); речь идёт и о разных системах ценностных координат» [6, с. 51]. Русь в поэме выступает мифологическим центром мира, локализуясь в пространстве России, и вопреки специфике повествования, своеобразному остранению его национально окрашенных элементов, и символическое, и географическое пространство так или иначе оказывается своим.

Россия и населяющий её российский / русский народ (в рамках авторской концепции понятия представляются синонимичными) противопоставляются другим, прежде всего европейским, народам и государствам как в репликах персонажей («Что у них немецкая жидкокостая натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят!» [3, с. 94] (курсив в цитатах здесь и далее наш. – А. С.); «Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы!» [3, с. 164]), так и в авторских отступлениях («Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово» [3, с. 103]; «автор <...> при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» [3, с. 171]). Как видно уже из этих примеров, такое противопоставление не подразумевает обязательного превосходства русского: чужое – не всегда плохое, но всегда подчеркнуто не своё. Последнее же находится в центре повествования, и все упоминания чужого направлены на более глубокое осмысление своего.

В *Home Life in Russia* наблюдается противоположная ситуация. Здесь Россия, что становится ясно уже из предисловия, интересует и редактора, и автора, если последний всё же существовал как отдельная личность, с сугубо геополитической точки зрения. На это указывает и изменившийся топоним: абстрактный, обобщённый город N(N) сменяется конкретным – Смоленском. Русь же как символическое измерение и связанные с ней мотивы в абсолютном большинстве исчезают – либо не считаются, либо опускаются намеренно, – что подчеркнуто уже на уровне выбора лексем: и Русь, и Россия переводятся словом *Russia* без каких-либо попыток компенсировать оригинальную разницу. Более того, основным синонимом к этому слову выступает *Empire* (в вариантах *Russian Empire*, *the Empire*, *our (vast) Empire* и т. д.), выводя на передний план политический контекст бытования лексемы. В предисловии редактора главной задачей книги заявляет-

ся освещение домашней жизни, нравов и обычаев россиян, причём, с одной стороны, подчёркивается аутентичность автора и повествователя, с другой, чужая природа изображаемого (“a very extraordinary nation”, “the Author has written in a language which is not his own”, “which only a Russian could afford us”, “The Nodrieffs are an exceptional class, whose type is peculiar to <Russia>”, “throw light upon the domestic life of our 'ancient allies' and present foes” [15, pp. i–iv]); по сравнению с поэмой меняется адресат – представитель иной культуры. Таким образом, в центре повествования находится принципиально чужое пространство и чужие герои.

Нарратор, как и «автор» романа, заявленный как русский, при описании русских обычаев использует местоимения и детерминативы со значением «мы», «наш». Тем не менее он открыто подчёркивает и свою дистанцированность от описываемого им мира: “Since we are in free England, we beg to exclude ourselves from making up the even number of sixty-three millions” [16, p. 214]. Несмотря на то, что «русский дворянин», как заявлено в предисловии, надеется не только рассказать британскому читателю о России, но и по возможности улучшить условия жизни своих со-страдальцев в родной стране (“ameliorating the condition of his fellow sufferers in Russia” [15, p. iii]), прежде всего повествование направлено всё же на читателя британского, и сам нарратор ассоциирует себя со «свободной Англией»: неслучайно и немецкая точность оригинального нарратора превращается здесь в английскую (“besides, as we are in England, we like to be minute in everything, and in this instance, and regardless of our being a Russian, we will do our best, and try to be as particular as an Englishman” [15, p. 108]; ср. «...но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем, и с этой стороны, несмотря на то, что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец» [3, с. 20]). Таким образом, отношения своего и чужого проблематизируются в фигуре нарратора, отчуждающего собственную культуру и осваивающего чужую. Более того, процесс отчуждения сопровождается негативизацией родной культуры, распространяющейся на всё повествование.

Иллюзия аутентичности, тем не менее, в тексте принципиальна. Книга, согласно предисловию, должна была описывать

русский быт настолько точно, насколько это возможно при литературной обработке подлинных событий, однако в то же время и обличать его недостатки: сатирический талант анонимного автора подчёркивался отдельно. Мнимая подлинность обеспечивается в основном сохранением оригинальных деталей и комментариев относительно русского быта и социума: “The lower classes of society, in Russia at least, are very fond of talking of the affairs of the more elevated classes...” [16, p. 247] (ср. «На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших...» [3, с. 179]). Транслитерированные реалии в тексте немногочисленны, но регулярно повторяются (*britchka*, *mouzhik*, *roubles*, *wersts*). Чином и должностям подобраны эквиваленты: председатель палаты – *Presiding Magistrate*, прокурор – *Imperial Procurator*, коллежский советник – *Councillor of State* и т. д.; однако система чинов никак не поясняется. То же касается и других значимых социокультурных явлений: разница в обращении на «ты» и на «вы» местами сохраняется в тексте, но никак не комментируется, без какой-либо справки упоминаются и награды губернатора (“he wore the decoration for merit of St. Anne round his neck, and it was whispered about that he might shortly be honoured with a presidential star” [15, p. 19]). Затекстовый комментарий и вовсе отсутствует в книге, внутритекстовые же пояснения редки, и скорее выполняют оценочную и аксиологическую функцию (см. далее), нежели раскрывают детали культуры и быта. Реалии комментируются спорадически: например, наряду со словом *samovar* используется синонимичное в контексте *self-boiler* [15, p. 6], за словом *stchee* (щи) сразу следует пояснение (*stchee, or cabbage soup* [15, p. 9], но тулуп (*toulup*) на Селифане остаётся без комментариев – во всех же последующих упоминаниях слово «тулуп» заменяет *sheepskin*. Более того, отдельные реалии замещаются сомнительными эквивалентами: так, кислые щи превращаются в кислое крымское вино, а выражение «во всю насосную завёртку» вместе с окружающим его контекстом сводится к фразе “all in one breath” (духом, разом): “The day, we imagine, was concluded with a plate of cold veal and ham, a bottle of sour Crimea-wine, and in a sound night's rest – all in one breath – as

we express ourselves in some of the extensive towns of the broad Russian Empire." [15, p. 19], – что подчёркивает иллюзорность аутентичности: не так важны излагаемые факты и детали, как убедительность их изображения. В связи с этой установкой не удивительно, что наряду с заимствованием деталей из поэмы в роман вводятся и добавления как в форме стереотипных исторических и культурных аллюзий ("...and here he is on the eve of creating a sensation in our town unequalled in the annals of the Russian Empire since Ivan Vasilievitch the Terrible" [16, p. 236]; ср. «Как подумаешь <...> что он произведет такой странный марш в свете» [3, с. 176]), так и социокультурного комментария: "The author feels considerably embarrassed as to the names of the two ladies, because in the Russian language it happened that the real names of the two ladies conveyed the most fitting idea of their character, and which it would be nearly impossible to render properly in English" [16, p. 213]; ср. «Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам. <...> Назвать выдуманною фамилией опасно. <...> Назови же по чинам, боже сохрани, и того опасней» [3, с. 168]); "...because he first of all inquired how many serfs each of these landowners possessed <...> and then only bethought himself of asking the Christian names <...>. This mode of taking an interest in persons is rather unusual in Russia, for we always begin our inquiries by asking for the Christian names of father and son first, and then only let our real intentions peep out" [15, p. 34]; ср. «Несколько вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество» [3, с. 17].

Что же касается негативного подтекста национально окрашенных образов, его интенсивность на протяжении повествования неравномерна. В первом томе он создаётся прежде всего за счёт деталей и нарастает постепенно. Так, Селифан неоправданно груб по отношению к детям ("Selifan, the coachman, observing that one of the little urchins was very expert in throwing somersets, gave him a touch with his whip on passing him" [15, p. 112]; ср. «Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запя-

ки, хлыстнул его кнутом»¹ [3, с. 22]; “Eh, you little stupid!” said Selifan; “that is to the right; she does not even know what right and left means.” [15, p. 223]; ср. «Эх ты!» – сказал Селифан. «Да это и есть направо: не знает, где право, где лево!» [3, с. 57]), а новый Ноздрёв, в то время как гоголевский, призывая слуг к расправе над Чичиковым, кричит «Бейте его!» [3, с. 83], ставит перед ними более конкретную задачу: “Horsewhip him!” [15, p. 294]. Общий тон если ещё не варварства, то по меньшей мере неотёсанности задаёт уже в третьей главе и сам нарратор: “...especially now-a-days, when even Russians begin to look more at shape and fashion” [15, p. 35]; ср. «...особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри» [3, с. 18].

Во втором томе подобные детали продолжают возникать и подчёркиваться. Так, абстрактное рассуждение нарратора о неспособности русских к самоорганизации и достижению поставленных целей превращается в предельно конкретный, и потому гораздо более яркий пример: “As an example we may here allude to a committee that was formed in the very town of Smolensk for the speedy relief of the peasantry suffering from famine. <...> and the result of the munificent subscriptions showed that there were about five roubles and a half to be divided among a few hundred hungry sufferers” [16, p. 269] (ср. «Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных <...>; а затем и остается всей суммы для бедных пять рублей с полтиною» [3, с. 187]), а «что-то вроде потасовки», грозившей Селифану от рук Чичикова в «Мёртвых душах», приобретает в *Home Life in Russia* обобщённо национальную характеристику: “...and had first the intention of treating our friend Selifan to something in the Russian fashion, for the disregard thus shown to his orders” [16, p. 299]; ср. «...приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану» [3, с. 204)].

¹ Следует отметить, что не всегда с уверенностью можно предположить намеренность подобных трансформаций: в отдельных случаях они представляются скорее результатом неверно интерпретированной оригинальной лексемы. Так, если оригинальный Селифан ударяет кнутом «большого охотника становиться на запятки», то Селифан *Home Life in Russia* ударяет ребёнка, делающего сальто в стороне: Selifan, the coachman, observing that one of the little urchins was very expert in throwing somersets, gave him a touch with his whip on passing him, – лексема, выбранная для описания действий ребёнка, somerset (сальто, кувырок), представляется логически связанной с русским «запятки» (место для лакея), неверно понятым исходя из формы слова.

Здесь, однако, возникают и вставки, дискредитирующие Россию прямо. Наиболее ярка обширная вставка, поразившая критика журнала *Athenaeum* «неуклюжей лестью», – сравнение Николая I и Виктории, в котором первый предстаёт «самым варварским, самым нехристианским властителем Европы», правящим миллионами таких же варваров (“...the name of Nicholas! does it not convey the idea of the most barbarous, if not the most unchristian potentate of Europe? reigning over sixty-two millions, nine hundred ninety-nine thousand, nine hundred ninety-nine other unfortunate barbarians!” [16, p. 214]), вторая же – «самой христианской и прекрасной королевой, правящей самой просвещенной и самой либеральной нацией в христианском мире» (“...the name of Victoria! does it not convey an idea of the most Christian and lovely Queen that reigns over the most enlightened, and most liberal nation in Christendom?” [16, p. 214]). «Темнота» дела заседателя Дробяжкина (здесь Dobriaschkin) объясняется в *Home Life in Russia* стремлением скрывать всё, связанное с полицией и высокопоставленными людьми (что вступает в противоречие с дальнейшими деталями дела, по отношению к оригиналу остающимися неизменными); более того, сам заседатель становится обладателем «надменной и тиранической души»: “However, this occurrence also remained in the dark, because all matters in which the police and people of high rank are interested, remain in Russia usually enveloped in darkness; <...> as for his face and body, it was perfectly impossible to identify them as having once harboured the haughty and tyrannical soul of a Dobriaschkin” [16, p. 256]; (ср. Но дело было темно, <...> а уж физиогномии и распознать нельзя было» [3, с. 183]. Словарь же Чичикова, которым Ноздрёв был «отделан со всех боков и сторон» [3, с. 164], автор и вовсе оказывается не в силах передать для ознакомления своему английскому читателю: “the expressions which our hero used at the time of his anger, was so very strong indeed that *this English paper* – we are convinced – could not bear them, and for this excellent reason we beg to omit them” [16, p. 205].

Помимо дикости, варварства России и её обитателей на протяжении всей книги подчёркивается её имперский характер. Слово *imperial* заменяет «государственный» и «казённый», а также возникает и без эквивалента в поэме

в значении «имперский» и «императорский». Слово *emperor* также гораздо чаще (до 20 употреблений) встречается в *Note Life in Russia*, нежели в «Мёртвых душах» (не считая повести о капитане Копейкине, фактически отсутствующей в английском романе, «государь» упоминается дважды, «император» – ни разу). Такая подчёркнутая значимость империи, с одной стороны, демонстрирует геополитические амбиции России и русских (объединяя в этом героев и дистанцирующегося от них нарратора, также не раз обращающегося к этим лексемам) и одновременно за счёт постоянных, в частности, не всегда уместных (*monopolised imperial raw spirit, imperial ink bottle*) указаний на принадлежность тех или иных явлений и предметов к империи создаёт дополнительный комический эффект. С другой же – актуализирует авторский фокус, направленный прежде всего на политическую сущность России.

Знаменательны и турецкие детали русского быта, равномерно разнесённые по всему тексту. В то время, как в «Мёртвых душах» фигурируют лишь принадлежащие Ноздрёву «турецкие» кинжалы мастера Савелия Сибирякова [3, с. 72], в книге, созданной во время Крымской войны и изображающей жизнь накануне её, турецкий элемент ожидаемо более значим. Можно выделить два типа упоминаний Турции и турецкого. Первые приводятся в собственно военном контексте: это и воспоминания о столкновениях прошлого (“In his last campaign against the Turks he stood, with his brave company, before the very gates of Adrianople” [16, p. 273]), и предвкушения будущих завоеваний – «экзамен» Фемистоклуса, дополненный вопросом о врагах христианства и ответом о необходимости захвата Константинополя [15, p. 139], и авторские комментарии, обращённые к настоящему: “Without this *desire on the part of the Emperor for the acquisition of Turkey*, the nation at large would not have acquired the fanaticism to stand by his side” [15, p. 104]; “...singing and speaking of everything, not even excluding politics, nor the military preparations that were carried on already at that time *with hostile intentions towards Turkey*” [16, p. 133]; “...and if such an expression could find its equal, it could, perhaps, only be seen on the faces of those clever statesmen of all nations, who at the present day are discussing the political differences between Russia and Turkey” [15, p. 155]. Вторые же касаются

обихода: почувствовавший вкус к жизни молодой Чичиков вытирается не простой, но изысканной турецкой губкой [15, р. 72]; Манилов в своих мечтах курит с Чичиковым настоящий турецкий табак [15, р. 163]; Ноздрёв постоянно одет в арха-лук – «турецкую визитку» (“a simple Turkish morning coat”) [15, р. 231] и т. д. Целью этого бытового сближения представляется ориентализация государства, позиционирующего себя как оплот христианства и претендующего на европейскость; неспроста уже в предисловии приводится максима “grattez le Russe, et vous trouverez Tartare”, актуализирующая не просто ориентальные, но и резко негативные мотивы, закреплённые в британском сознании к середине XIX в. [11, с. 209–211].

Принципиальным представляется именно совмещение в образе русских запада и востока. «Татарин», выступающий здесь аллегорией дикого, стихийного и опасного востока, проступает в русском только при ближайшем рассмотрении, что делает его, вероятно, более опасным соперником. Причём эта амбивалентность образа подчёркнута и внешне. Так, с одной стороны, из описания одежды персонажей полностью исчезает мех («шинель на больших медведях», «таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном»), исторически ассоциирующийся как непосредственно с Россией, так и с варварством, дикостью, животным началом, и в целом персонажи, как женщины, так и мужчины, одеты в очевидно европейское платье. Однако в немногочисленных описаниях одежды можно заметить отдельные странности: как, например, упомянутые выше собственно турецкие элементы или смешение тенденций 1840-х и 1820-х гг. в описании нового модного фасона, обсуждаемого двумя дамами¹.

Наиболее значимым инструментом создания негативного образа Российской империи и её населения в романе представляется редуцирование гоголевского подтекста веры в возможность пробуждения и возрождения «мёртвой» души. Помимо прямых указаний на эту возможность в лирических отступлениях, не нашедших себе места в *Home Life in Russia*, такой позитивной «подсветкой» сюжета в оригинале также случат поэтико-символические образы Руси.

¹ Fashion History Timeline. Available at: <https://fashionhistory.fitnyc.edu/category/19th-century/> (accessed 24 April 2024).

Прежде всего из текста исключаются столь значимые в оригинале былинно-богатырские смыслы, неразрывно связанные с лексемой «Русь» и её символическим наполнением [12, с. 29–33]. Само слово «богатырь» (*bogatyř*) – или прямые его эквиваленты – ни разу не употребляется, лексемы же, использованные при его переводе, никак не отражают оригинального содержания. Случаев перевода всего два: в первом осуществляется целостное преобразование: «нынешнее время, когда и на Руси начинают уже выводиться богатыри» [3, с. 18] превращается в “now-a-days, when even Russians begin to look more at shape and fashion” [15, p. 35]; во втором эквивалентом «богатырю» выступает *fellow* [16, p. 83]. Остальные употребления самой лексемы исчезают из перевода вместе с лирическим отступлением, в котором бытовали в оригинале («Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» [3, с. 208]; «Другой обитатель был Мокий Кифович, родной сын его. Был он то, что называют на Руси богатырь <...> И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать богатырские свои подвиги» [3, с. 230]). Трансформируются и оригинальные элементы текста, наиболее очевидно построенные на богатырской образности. Так, к примеру, описание судьбы Степана Пробки, в оригинале звучащее следующим образом: «А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушеной рыбы, а в мошне, чай, притаскивал всякой раз домой целковиков по сту, а может и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог, – где тебя прибрало?» [3, с. 129], в *Home Life in Russia* за счёт добавления определений и отказа от попыток сохранить общую фольклорную интонацию эпизода превращается в историю бедняка, обречённого на скитания и тяжкий труд: “Ah! here he is, Stephen Korobka, that is the *fellow*, who, according to Sobakevitch, would have been a giant in the Imperial Life-Guards! No doubt the poor *fellow* wandered about in *obscurity* with a hatchet on his side, and his boots across his shoulders, making his meals at the slender expense of one copek for brown bread, and two for dried fish, whilst, on returning home from his yearly work, he would bring with him

a purse stuffed with silver roubles, and perhaps have some bank notes sewn up between the lining of his shirt or boots – where are you now?” [16, p. 83].

Такое видение представителя русского народа вписывается в сложившуюся к моменту создания текста традицию в британской литературе. С. Б. Королёва отмечает: «С конца XVIII в. в британские книги путешествий всё чаще в связи с образами простых русских людей входит мотив народа-жертвы, и отмечаемые недостатки русского национального характера – лень, пассивность, суеверие, инфантилизм – связываются с крепостным правом, с рабской зависимостью от воли хозяина или более высокого чина» [5, с. 93]. Именно эти качества русского мужика охотно подчёркнуты автором на протяжении всего повествования. И если говорить об абсолютной демонизации или развенчании образа русского крестьянина в книге нельзя, то сужение эпического размаха оригинальной образности можно констатировать с уверенностью.

Стирается и богатырский подтекст темы 1812 года, на который указывает Е. А. Смирнова [12, с. 31]. Тема в целом редуцирована в тексте *Home Life in Russia*: с переносом абстрактного времени действия в конкретное историческое время, 1840-е гг., война 1812 г. становится далёким воспоминанием. Так, портрет Багратиона, в оригинале «тощего, худенького, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках» [3, с. 90], что едва ли умаляет его героичность и даже богатырство, для Гоголя прежде всего выражавшееся в силе духа, подвижничестве в миру, в *Home Life in Russia* превращается в портрет старика, безоговорочно проигрывающего на фоне полных жизни героев греческой войны за независимость: “...a meagre, careworn old man; heaven knows why he had been placed among these dashing heroes” [16, p. 4]. Второе упоминание кампании появляется в описании предметов на столе Плюшкина (“...a toothbrush, which had become quite yellow from age and use, and with which the owner seemed to have been in the habit of cleaning his teeth ever since the French invasion of 1812” [16, p. 40]), и в этом случае вновь отсылает лишь к историческому прошлому, становясь знаком старости, обветшалости.

Интересно, что герои греческой войны за независимость остаются героями (heroes), хотя и со времени их свершений

прошло больше 15–20 лет. Такая темпоральная избирательность может объясняться ещё одним устоявшимся элементом восприятия образа России в Британии. Как пишет Королёва, к концу первой трети XIX в. «в мифе о России сформировался новый слой, в основу которого лёг образ государства-соперника, государства-врага, противопоставленного Британской империи по линии праведности – неправедности, демократичности – деспотичности, мирных намерений – агрессивности» [5, с. 97]. Именно в этом ключе изображалась Россия в контексте русско-польской войны 1830–1831 гг., и позднее, в современной *Home Life in Russia* литературе и публицистике в контексте Крымской войны. В этом свете понятно стремление лишить офицера деспотичной, пугающе разрастающейся империи-соперника героического ореола.

Здесь же следует упомянуть и преломление образа народа в связи с этой несколько изменившейся к середине XIX в. парадигмой восприятия России в британском художественном, в частности, литературном, сознании. К уже упомянутым выше слабостям народа-раба добавляется образ массы – дикой, почти стихийной силы, претворяющей в жизнь захватнические планы своего повелителя-тирана. В *Home Life in Russia* нет эпизодов, представляющих крестьянина с этой стороны, однако отдельные эпизоды, связанные с помещиками и Чичиковым, подчёркивают это слияние воли правителя и его подданных. Так, уже упомянутый выше «экзамен», которому за столом подвергается Фемистоклос («...какой лучший город во Франции?»; «А у нас какой лучший город?»; «А еще какой?» [3, с. 30]), дополняется вопросом “Who are the natural enemies of Russia and of Christendom?”, ответ на который нетрудно предсказать: “The Turks; and we ought to take Constantinople from them,” replied Themistocles, with the air of a conqueror, and looking for approval towards his master” [15, p. 139], демонстрирует, что с самого детства в маленьких россиянах воспитывается поддержка идеологии, полезной императорским планам. Взрослые же, даже не поддерживающие конфликт с Турцией или в целом к нему равнодушные [15, p. 104], высказывают своё недовольство только под воздействием вина: “They were arguing loudly, shouting, singing and speaking of everything, not even excluding politics, <...> which, as a matter of course, led them

further on to express their mutual disapprobation of the Emperor's conduct, and which free expressions at any other time they would have severely resented even from their children." [16, p. 133]. Воинская доблесть в этом контексте, как представляется, не может соседствовать с духовной силой, чему находится подтверждение и в британской литературе периода [5, с. 132–146].

Былинная, даже (и, пожалуй, прежде всего) сказочная, Русь в сознании Гоголя представляет собой идеальное прошлое, возвращение к которому невозможно, но лишь с оглядкой на него возможно условное светлое будущее. Потому проглядывающие то тут, то там признаки сохранности этого начала под «корой земности» настоящего обеспечивают России потенциал к возрождению. Стирая этот символический пласт, автор английского романа лишает её не только специфики национальной идентичности оригинала, но и надежды на будущее.

Обсуждение и выводы

Опираясь на оригинал, автор *Home Life in Russia* рисует собственную картину русской жизни. Ставя в один ряд изначально сатирические, гиперболизированные образы и образы, приближенные к реальности, дополняя их собственными представлениями и намеренными искажениями, а, главное, редуцируя ключевой для оригинала подтекст и подменяя его другим, он создаёт на основе «Мёртвых душ» по сути новое произведение, в котором предпринимает попытку развенчать политические амбиции Российской империи как европейской державы – соперницы империи Британской, ориентализируя её и манифестируя её отсталость и безнадежность. Обытовлённые и упрощённые русские персонажи, окружённые к тому же преимущественно негативной образностью, выступают лишь инструментом достижения целей анонимного автора: при неизменном персонажном составе специфика художественной антропологии гоголевской поэмы в *Home Life in Russia* не сохраняется вовсе.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Примечания // Барбе д'Оревильи [Ж.] Николай Гоголь // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования: сб. науч. ст. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – Т. 1. – С. 257–281.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем. – М.: Наука, 2012. – Т. 7.1. – 809 с. EDN: SAKTBV.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
5. Королёва С. Б. Миф о России в британской культуре. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2023. – 384 с. EDN: SFWSHK.
6. Кривonos В. Ш. «Мёртвые души» Гоголя: Пространство смысла. – 4-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 320 с.
7. Ланн Е. Л. Литературная мистификация. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. – 231 с.
8. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 742 с. EDN: SIASWX.
9. Петрс А. Л. Литературная мистификация: к проблеме термина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 210–219. DOI: 10.33910/1992–6464–2020–197–210–219. EDN: FLXXVR.
10. Попова И. Л. Мистификация литературная // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – 799 с.
11. Рыжкина Е. В. Семиокультурный аспект фразеологической номинации по аналогии (на материале современного английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 20 (706). – С. 198–213. EDN: TEWJCN.
12. Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души». – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 200 с.
13. Athenaeum. Home Life in Russia // Athenaeum. – 1854. – № 414. – 2 December. – Pp. 1455–1456.
14. Cross A. By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture // A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture. – Cambridge: Open Book Publishers, 2012. – Pp. 1–36.
15. Home Life in Russia. – London: Hurst and Blackett, 1854. – Vol. 1. – 308 p.
16. Home Life in Russia. – London: Hurst and Blackett, 1854. – Vol. 2. – 314 p.
17. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War // The American Slavic and East European Review. – 1949. – № 2 (8). – Pp. 106–125.
18. Phelps G. The Early Phases of British Interest in Russian Literature // The Slavonic and East European Review. – 1958. – № 87 (36). – Pp. 418–433.

Anastasia M. Serdyuk

“Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare”: Russian Empire and its People in *Home Life in Russia* (1854)

The article examines the images of Russia and the Russians in the anonymous novel *Home Life in Russia*, a loose adaptation of Nikolai Gogol's *Dead Souls*, in relation to the original and in the light of the new message. National images, especially significant in Gogol's poem, are central in the novel. The anonymous author erases the original symbolic subtext, emphasizing and developing the satirical component of the images, as well as reinforcing the original negative imagery through transformations in the translation. As a result, the original semantics is reduced to being purely quotidian, the universal scope of the anthropological experiment, as the experiment itself is fully omitted, is narrowed to the geographical space of Russia, and the Russians depicted are deprived of the potential for spiritual growth and humanization. The strongly simplified Russian characters contribute to the anonymous author's goal to debunk the political ambitions of the Russian Empire and create its anti-image.

Key words: *Home Life in Russia*, *Dead Souls*, Nikolai Gogol, literary hoax, literary anthropology, image of the Other.

For citation: Serdyuk, A. M. (2024) "Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare": Rossiya i russkie v *Home Life in Russia* (1854) ["Grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare": Russian Empire and its People in *Home Life in Russia* (1854)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 24–42. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_24. EDN: ZRVNUW

References

1. Alekseev, M. P. (1936) *Primechaniya* [Notes]. Barbey d'Aurevilly, J. Nikolay Gogol' [Nikolai Gogol']. N. V. Gogol': *Materialy i issledovaniya* [Nikolai V. Gogol. Materials and research]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. Pp. 257–281. (In Russian).
2. Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and Translation (Questions of general and particular theory of translation)]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian).
3. Gogol', N. V. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 7.1. Moscow: Nauka Publ. EDN: SAKTBV. (In Russian).
4. Komissarov, V. N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie* [Contemporary Translation Studies]. Moscow: Izd-vo «ETS». (In Russian).
5. Koroleva, S. B. (2023) *Mif o Rossii v britanskoj kul'ture* [The Myth of Russia in British Culture]. 2nd ed. Moscow: FLINTA Publ. EDN: SFWSHK. (In Russian).
6. Krivonos, V. Sh. (2019) «Mertye dushi» Gogolya: Prostranstvo smysla [Gogol's Dead Souls: Space of meaning]. 4th ed. Moscow: FLINTA Publ. (In Russian).
7. Lann, E. L. (1930) *Literaturnaya mistifikatsiya* [Literary Hoax]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. (In Russian).
8. Mann, Yu. V. (2007) *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's Work: Meaning and form]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. EDN: SIASWX. (In Russian).
9. Petrs, A. L. (2020) *Literaturnaya mistifikatsiya: k probleme termina* [Literary mystification: an issue of terminology]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 197. Pp. 210–219. DOI: 10.33910/1992–6464–2020–197–210–219. EDN: FLXXVR. (In Russian).
10. Popova, I. L. (2001) *Mistifikatsiya literaturnaya* [Literary hoax]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).
11. Ryzhkina, E. V. (2014) *Semiokul'turnyy aspekt frazeologicheskoy nominatsii po analogii (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Semi-cultural aspect of phraseological nomination by analogy (based on the material of modern English)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. No. 20 (706). Pp. 198–213. EDN: TEWJCN. (In Russian).
12. Smirnova, E. A. (1987) *Poema Gogolya «Gogolya Mertye dushi»* [Gogol's poem Dead Souls]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
13. Athenaeum (1854) *Home Life in Russia*. *Athenaeum*. No. 414. 2 December. Pp. 1455–1456.
14. Cross, A. (2012) *By Way of Introduction: British Perception, Reception and Recognition of Russian Culture. A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers. Pp. 1–36.
15. Anon. (1854) *Home Life in Russia*. Vol. 1. London: Hurst and Blackett.
16. Anon. (1854) *Home Life in Russia*. Vol. 2. London: Hurst and Blackett.
17. Lefevre, C. (1949) Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War. *The American Slavic and East European Review*. No. 2 (8). Pp. 106–125.
18. Phelps, G. (1958) The Early Phases of British Interest in Russian Literature. *The Slavonic and East European Review*. No. 87 (36). Pp. 418–433.

Об авторе

Сердюк Анастасия Михайловна, аспирант национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Российская Федерация); E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru; ORCID ID: 0000-0001-6928-5110

About the Author

Serdyuk Anastasia M., Postgraduate Student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); E-mail: am.serdyuk@mail.tsu.ru; ORCID ID: 0000-0001-6928-5110

дата получения: 10.05.2024 г.
дата принятия: 30.06.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 10 May 2024
date of acceptance: 30 June 2024
date of publication: 30 September 2024